

Вс. Миллер отметил еще одну интересную параллель: „Слово сань в чешском языке значит змея, это же слово до сих пор слышится в наших саях, так и полоз — название змея — находим в полозьях саней“. Это простое и, как видим дальше, вполне правильное объяснение не удовлетворило самого исследователя: он почему-то пришел к убеждению, что в данном месте автор древнего источника, „повидимому, изображает исключительно состояние птичьего царства“. „Поэтому, — пишет он, — было бы уместно находить в полозьях как-нибудь птиц, нежели гадов“. Такой птицей Миллер предложил считать „ползика“ (*Sitta*). Утверждение, что в данном месте речь идет только о птицах, ни на чем не основано. Можно найти в „Слове“ ряд фраз, в которых названы и птицы и звери: орлы, волки, лисицы, гоголь, горностаи и др. Птицы упоминаются в „Слове“ чаще других животных, надо полагать, просто потому, что в природе они встречаются в значительно большем количестве, чем звери, и в несравненно большем числе, чем змеи. Великий поэт в своем произведении и отразил эти соотношения. С точки зрения натуралиста, таким образом, вторая гипотеза Вс. Миллера не выдерживает критики. Мелкую птичку поползня — *Sitta europaea* („ползика“ — по номенклатуре Миллера) — нигде у нас не называют полозием или полозом. Среди 25 народных названий этой птички нет ни одного, которое давало бы основание для такого отождествления. На Украине поползня чаще всего называют звукоподражательно: смовз, смовзик, чмовх, снос;¹ в Подмосковье распространены названия — ямщик, волчок, ползунок.² Такие наименования, как поползень, ползик, являются преимущественно книжными. К тому же эта птичка не встречается на юге за пределами старых лесов лесостепной зоны, и упоминание поползня в сцене, связанной с поймой нижнего Дона, т. е. со степью, было бы диссонансом в изумительно точных описаниях природы в „Слове“. Кроме того, поползень очень часто издает громкий свист, за что он и получил у московских птицеловов кличку „ямщик“. Поэтому эта птица была бы непригодна для изображения утренней тишины в критический момент бегства Игоря. Как это ни странно, не первая, а вторая гипотеза Миллера нашла последователей. Сперва ее поддержал И. А. Новиков,³ а недавно к нему присоединился В. И. Стеллецкий.⁴ Последний даже сделал попытку подкрепить эту гипотезу новыми аргументами из области естествознания, но эти обоснования только увеличили количество ошибок в данном вопросе. А. А. Потебня⁵ отверг оба толкования Вс. Миллера, считая „сомнительной в авторе Слова мелочность изображения“. „Более заметный, — по его утверждению, — пестрый дятел еще может броситься в глаза“ и поэтому более уместен в „Слове“. „По лозию значит, конечно, не по лозняку (кустарнику), а по ветвям деревьев“, — пишет А. А. Потебня.

В последнее время И. А. Новиков,⁶ изменив своему первому толкованию интересующей нас фразы, склонился к мнению Потебни, переводя это место так: „только лазили дятлы“.

¹ Н. В. Шарлемань. Словник зоологічної номенклатури, ч. 1. Назви птахів. Київ, 1927, стр. 30.

² См.: М. А. Мензбир. Птицы России, т. II. М., 1895, стр. 794.

³ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве. М., 1948.

⁴ Примечания к переводу. Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 302.

⁵ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, Воронеж, 1878, стр. 146; изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 146.

⁶ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 108.